

2009-4
2780

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

МАРКСИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА

Сборник статей

2558

Оренбург
Издательство ОГПУ
2008

Историзм, присущий содержанию «Капитала», находит свое выражение в том, что развитие экономических категорий у К. Маркса является глубоким научным отражением реального хода исторического развития. В. И. Ленин указывает, что в «Капитале» даны история капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее.

Список использованной литературы

1. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
2. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. 1.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 2.
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26.

Л. Б. Полишкова

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

С аналогичным названием в 1898 году Георгий Валентинович Плеханов написал статью, представляющую, на мой взгляд, одно из лучших изложений научного решения данной проблемы в марксистской литературе. Позволив себе позаимствовать название статьи Плеханова, хочу еще раз акцентировать внимание на сложных судьбах философии и теории Маркса, их разных, зачастую взаимоисключающих оценках. Маркс, по мнению профессора Женевского института международных исследований Луиса Халле, был в первую очередь драматургом, а потом философом и революционером, его произведения писались на злобу дня, мысли не успевали полностью выработаться, вероятно, поэтому в его работах есть некоторые несообразности. Маркс устарел, так как классовая борьба затухает (1, с. 77).

Через три десятка лет с Л. Халле солидаризируется профессор института философии РАН В. М. Межуев: «...интерес к судьбе марксистского учения снизился до минимума» (2, с. 11). З. Бжезинский, в свою очередь, отмечает, что «нельзя пренебрегать огромным вкладом марксизма, его революционным влиянием». Марксизм «открыл человеческому разуму ранее игнорируемые перспективы и вызвал к жизни интересы, которыми в прошлом пренебрегали». Бжезинский обращает внимание на то, что марксизм стал частью западного интеллектуального наследия и почти каждый в той или иной мере, даже не сознавая этого, является марксистом (3, с. 74, 83). «Марксизм не умер, умереть не может, более того, в обозримом будущем еще переживет свое «второе рождение». Это будет возрождение в духе диалектического отрицания. Марксизм есть целостное учение, по словам Ленина вылитое из одного куска стали. И, стало быть, его нельзя препарировать на части — «хорошие» и «плохие», «жизненные» и «нежизненные», — вторит ему профессор В. И. Толстых в статьях «И беда, и вина...», «Суть дела, или Что не надо упрощать...», опубликованных в сборнике «Марксизм: pro и contra» (4, с. 9, 285). Амплитуда расхождений велика, различия в восприятии одного и того же феномена поразительны.

Попытаемся объяснить этот феномен, опираясь на методологию статьи Г. В. Плеханова «О роли личности в истории» и других его работ. Для скептического, даже резко критического отношения к марксизму имеются объективные основания и причины. Тем более, что концепция Маркса с самого начала была теорией особого рода: не только осмыслением существующей реальности, но и ее критикой и средством ее практической трансформации. Т.е. эта концепция соединяла теоретический анализ, критику реальности и определенный идеал (хотя Маркс и подчеркивал, что он против всяких идеалов, в действительности его концепция такой идеал предполагает).

В современной российской действительности марксизм не просто судят, его хоронят, а для кого-то он уже умер, без

тризны, погребального обряда, канув в вечность. Марксизм хоронят давно, но до недавнего времени этим занимались те, кого называли «идеологическими противниками». Сейчас, в пылу внезапного коллективного прозрения, этим занялись вчерашние толкователи и апологеты марксизма, вообще все, кто однажды «проходил» и сдавал экзамен по марксизму-ленинизму. И как всегда бывает в таких случаях, наиболее решительно, радикально опровергают марксизм те, кто плохо его знает и понимает. Современно звучат слова Плеханова: «Так называемая критика Маркса обнаружила не те проблемы, которые свойственны были марксизму, а то непонимание марксизма, которое свойственно было его критикам» (5, с. 200).

Примечательно в этом отношении мнение Э. Фромма: «Для этой критики есть несколько причин. И первая из них — это чистое невежество. Многие, вероятно, считают, что им предоставлено полное право говорить все, что взбредет на ум без всякого знания дела. Каждый считает себя вправе говорить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы того минимума, который необходим, чтобы разобратся в сложной системе его мыслей и идей» (6, с. 377).

Критика, разумеется, прекрасная вещь, но она хороша только тогда, когда человек, ею занимающийся, в самом деле относится критически к своему предмету, а не тогда, когда он под ее предлогом только повторяет чужие мысли, усвоенные им совсем без критики. Это характерно для современного российского антимарксизма — широкое, безграничное использование багажа буржуазной марксологии. Плеханов подчеркивает: «И если она означала (критика Маркса) собой какое-нибудь движение, то это было попятное, а вовсе не поступательное движение» (5, с. 199).

Крайне отрицательную, негативную трактовку в отношении марксизма приобрели понятия «догматизм» и «ортодоксальность». По своей сути марксизм — антидогматическое учение, независимо от сделанных в нем выводов, которые сам Маркс никогда не признавал окончатель-

ными, верными для всех времен и народов. Любая попытка их абсолютизировать, распространить на все континенты и страны заставляла его говорить, что он в таком случае — не марксист. Маркс, несомненно, принадлежал к тому направлению социально-исторической мысли XIX века, которая со времен Канта получила название «критицизма» — в противоположность «догматизму» предшествующей философии. Маркс — критический мыслитель. Причем по отношению не только к существующему обществу и соответствующему ему сознанию, но в каком-то смысле и к самому себе, к собственной позиции, которая, как он считал, требует постоянной корректировки, сверки с быстротекущим временем.

Но в практике марксизма догматизм проявил себя рельефно и зримо. Ученые связывают этот процесс с беззаботностью по отношению к теории, пагубно проявившейся в двух формах: пренебрежение теорией как таковой, в замене ее компиляторской трухой, с одной стороны, и в демонстрации по отношению к ней преувеличенно-ритуального уважения, в употреблении ее, так сказать, только по праздникам — с другой. Деформация учения Маркса приобрела вполне целенаправленный характер, превратив его в особую кафедрально-доцентскую или профессорскую прагматическую, доктринерскую версию марксизма, целую систему схоластических, оторванных от реальности понятий, какую, собственно, сейчас и ниспровергают. Сто лет назад Г. В. Плеханов в работе «Основные вопросы марксизма» (1908) пророчески писал: «Теперь невежд порождают Марксовы знания. Винить в этом надо, конечно, не Маркса, а тех, которые говорят вздор во имя его» (5, с. 146).

В интервью журналу «Юность» в 1975 году (№ 8) М. Мамардашвили отмечал: «Та философия, которую вы называете марксистской, имея, вероятно, в виду философию учебников, не есть подлинная марксистская философия. Я не хочу ничего дурного сказать о моих коллегах. Я хочу сказать лишь следующее: мы должны отдавать себе отчет в случайности этого образования. В случайности его

языка, который не вытекает из капитала марксистской философии, не является ее прямым продолжением).

Из истории марксистской философии хорошо известно, как отторгались в 60—70-е годы прошлого века теми, кто претендовал на выражение «официальной» точки зрения, марксовы «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Экономические рукописи 1857—1861 гг.», «Философские тетради» В. И. Ленина, философское наследие Плеханова и др. Общим местом были суждения о «зрелости» и «незрелости» классиков того или иного периода их деятельности, об устарелости взглядов Г. В. Плеханова, Р. Люксембург, А. Грамши, о том, что они «предназначали» и «не предназначали» для печати. Очевидно, это имело бы смысл, если бы сопровождалось соответствующим серьезным анализом. Но чаще всего его просто не было. Преобладала авторитарная декларативность, одобренная изрядной дозой чванливого невежества. А это вело к однобокости и ущербу, к формализму и схоластике в развитии науки. Дело дошло до того, что доктор исторических наук, профессор А. Ципко с восхитительной бездоказательностью приписал Марксу все прегрешения сталинизма и защитить автора «Капитала» оказалось некому.

В результате исторический материализм, в котором предполагалось изложение сущности открытого Марксом материалистического понимания истории, оказался не в состоянии, пользуясь языком технократов, «расширить» свои узкие места, много лет выстраивал по сути бесполезные, имеющие сомнительный смысл конструкции даже с точки зрения профессорской дидактики Академии общественных наук, системы законов и категорий. Реальная общественная жизнь во всем ее полнокровном, противоречивом, контрастном естестве все больше расходилась с наукой о ней. Ножницы эти расширялись под влиянием во многом совпадающих интересов: бюрократы использовали теорию как средство оправдания и укрепления своего стабильного положения; «ученые» круги связывали стабильность свое-

го положения в первую очередь с поддержкой, даже освящением всевластия бюрократов. Дилемма: делать карьеру за счет философии или же делать философию за счет карьеры — многими решалась в пользу первого варианта. Неудивительно, что авангардную и самую шумную часть современных российских ниспровергателей Маркса составляют «птенцы гнезда» АОН при ЦК КПСС.

Нет необходимости повторять известное суждение об открытии и развитии Марксом материалистического понимания истории, объективных законов общественного развития. Но нельзя не подчеркнуть, что с этого времени социальная истина стала руководством к социальному действию. Произошло это не потому, что человечество обрело, наконец, долгожданных гениев (немало гениальных людей рождали и прежние эпохи), а потому, что гении сами смогли стать на позиции появившегося наконец класса, чье сознание легче, чем у других классов, очищается от корыстных, локальных, узкословных, ограниченно провинциальных интересов. Плеханов справедливо отмечает, что «...всякий талант, ставший общественной силой, есть плод общественных отношений» (7, с. 308).

Раскрывая марксистское положение о соотношении свободы и необходимости, Плеханов подчеркивает, что свободная деятельность личности является сознательным и свободным выражением необходимости. В этом величие и жизненность Маркса. Если деятельность личности является необходимым звеном в цепи необходимых событий, то тем меньше у нее колебаний и тем решительнее она действует. И в этом нет ничего удивительного: это значит, что отсутствие свободы воли равносильно для нее совершенной неспособности к бездействию и что оно, это отсутствие свободы воли, отражается в ее сознании в виде невозможности поступать иначе, чем она поступает. Это именно то психологическое настроение, благодаря которому люди обнаруживают самую неукротимую энергию, совершают самые поразительные подвиги. Плеханов отсылает читателя к

Фихте: «Фихте справедливо сказал: «каков человек, такова и его философия» (7, с. 302).

Обращение к философскому наследию Плеханова как методологии обоснованно по нескольким причинам. Во-первых, высокий авторитет его работ по философии, «ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (Энгельс, Ленин, Д. Лукач, А. Грамши, П. Андерсон). Второй причиной обращения к Плеханову, его теоретическому обоснованию роли личности в истории стало изменение геополитического положения России. До 1917 г. Российская империя была периферией существовавшей тогда капиталистической мировой системы. После 1991 г. Российская Федерация вновь стала страной, находящейся на периферии капиталистической системы. Это означает, что Россия на протяжении длительного периода своей истории была и продолжает быть сегодня зависимой и потому отстающей страной. В итоге складывается типичная для всех таких стран картина. Часть страны живет интересами Запада, ориентирована на Запад и в этом смысле постепенно европеизируется. Государственно-бюрократические структуры обуржуазиваются, включаются в рыночный обмен. Другая часть страны продолжает жить своей обычной жизнью традиционного общества, ориентируется на его культурно-исторические ценности, которые определяют ментальность значительной части населения страны. Это означает, что в обществе возникает и устойчиво существует идейный, культурный и социальный раскол, который вызван сугубо экономическими причинами. Сегодняшняя ситуация в стране поразительно напоминает ситуацию, которая была в дореволюционной России. Отсюда острейшая потребность в *личности*. Разумеется, речь идет о становлении и формировании не отдельной личности, не какого-то ограниченно-го типа личностей, а *личности в массе*, о превращении в личность *каждого*.

Что такое личность в марксистском понимании? Не задаваясь целью дать какое-либо полное обобщенное опре-

деление, позволю себе высказать суждение о важнейших личностных признаках. Трудно, практически невозможно представить себе человека как личность без потребностей в выработке собственного *цельного мировоззрения*, уходящего корнями в толщу мировой культуры. Личность с ограниченным самосознанием — жалкое зрелище. *Личностью*, по Марксу, является человек, которого не вынуждают вступать в какие-либо отношения отчуждения, эксплуатации и неравенства; чьи способности, физические и духовные, не служат источником наживы, базой чьего-то паразитического благополучия. Наконец, еще один признак *личности* состоит в неперенном обладании способностью и полем для творческого самоутверждения в той или иной сфере общественно полезной деятельности.

К числу наиболее часто цитируемых в прошлом положений Маркса относится его тезис о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (8, с. 24). Он и теперь сохраняет свою эвристическую ценность.

Третьей причиной обращения к Плеханову является старая проблема, тем не менее не переставшая быть острой. Может ли общество существовать без идеологии и сохраняет ли марксизм свою характеристику — научной идеологии?

Ставя этот вопрос, американский социолог С. Гоулднер пишет: «Никогда еще в классовом обществе безопасность правящего класса не зависела в такой степени от системы идей, оправдывающих его господство. Эта новая зависимость экономически господствующего при капитализме класса от идеологии делает его особым классом — классом, который должен овладеть влиянием на умы людей. Это класс, особенно зависимый от идеологии, которая могла бы обосновать законность его господства» (9, с. 231).

Тем самым С. Гоулднер подтверждает, а не опровергает старую истину — природность и потребность идеологии в обществе. В общественных отношениях есть своя логи-

ка: пока люди находятся в данных взаимоотношениях, они непременно будут чувствовать, думать и поступать именно так, а не иначе. Но если известно, в какую сторону изменяются общественные отношения (или имитируется их изменение) благодаря переменам в общественно-экономическом процессе производства, то, следовательно, известно (или прогнозируется) направление изменений общественной психики. Следовательно, господствующая в обществе группа политиков (собственников средств производства) может влиять на нее. «Влиять на социальную психику — значит влиять на исторические события, стало быть, в известном смысле можно делать историю, и нет надобности ждать, пока она «сделается» (7, с. 334).

Список использованной литературы

1. Halle, L. The ideological imagination. Ideological conflict in our time and its roots in Hobbes, Russia and Marx / L. Halle. L. : Chatto a. Winolus 1972. XIV, 174 p.
2. Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» // *Вопр. философии*. 2006. № 4.
3. Brzezinski, Z. Between Two Ages. America's role in the Technetronic Era / Z. Brzezinski. N. Y., 1970. P. 74, 83.
4. Марксизм pro и contra. М. : Республика, 1992. 334 с.
5. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 3 / Г. В. Плеханов. М., 1957.
6. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. М. : Республика, 1992. 430 с. (Мыслители XX века).
7. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 2 / Г. В. Плеханов. М., 1956.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 41.
9. Gouldner, A. The dialectic of ideology and technology. The origins grammar and future of ideology / A. Gouldner. N. Y. : Seabyry press, 1986. XVI, 304 p.